

Сергей Васильев
Страна
мучительных грез
2017

Я, переполненный отвратительными ощущениями, принимал вызов судьбы, готовясь преодолеть это немислимое для жизни жрущее меня что-то. Было беспокойно настолько, что выйти на улицу или что-то связанное сообразить просто не представлялось возможным, и лишь периодические телефонные сеансы

с казавшейся враждебной, но, без сомнения, спасавшей мое положение аналитиком были для меня тем, что вносило смысл в эту зловещую неразбериху, перепутавшую все во мне совершенно целиком, было не найти в себе опоры вообще, я был разорван на части, и каждая из этих частей мучилась больше чем другая. Сознание было настолько слабо, что злые дети, телефонные хулиганы, чуть не вытащили из меня весь оставшийся дух, привязываясь в своем глумлении, и оказались умнее, проворнее, взрослого двадцатисемилетнего мужика. Эти поражения в обещаниях с дерзкими подростками унизили меня на долгое время. Но тем не менее я справлялся с их дерзостью, блеснув некогда развитой на терапии способностью к игре словами.

Депрессия на этот раз была хоть и более тяжелой по наплыву чувственных переживаний, но все же управляемой мною силой, которая зарождалась во мне, благодаря долгой работе над собой, что сделало меня живым, осуществлялся акт перерождения, что-то стало

СТРАНА МУЧИТЕЛЬНЫХ ГРЕЗ

выстраиваться во всей бушевавшей во мне массе психоза, и сила этого постепенно устанавливающего порядка уже появилась именно, как это ни парадоксально, в моем разбитом и сурово мрачном настроении депрессивной фазы. Сам факт отказа от госпитализации был несомненным проявлением моей новой силы

и установившегося склада душевной жизни. Можно сказать, что психическая деятельность, вообще личность, все вновь реконструирует, вступая в следующее более

зрелое воплощение. Врачи говорили, что выздоровление происходит по спирали, так вот, эволюционный виток ее был реально ощутим в период этой депрессии и активно выражался в моем отказе от госпитализации.

Люда, которая так же пребывала в очень разбитом состоянии и еле выдерживала свою деперсонализацию, получала от меня звонки в поддержку, устраивая которую я гордился силой своего духа. Но опять же, надо обратить внимание на то, что вместе с ощутимой силой была и глубокая слабость, тревога, страх, и спытывались ощущения глубоко аварийного состояния психической деятельности. Люди вокруг, казалось, были целеустремленны, собраны и сильны, и среди них, как сильно одряхлевший старик, я чувствовал себя вне возможности какойлибо конкуренции, и даже с отсутствием способности соединить свою психическую работу с их, что заставляло меня постоянно находиться в молчании среди, как правило, давящих людей, что окружали меня. Все казалось сильно враждебным, выйти на улицу было все равно что вылететь в открытый космос, ведь мир стал другим и опасным, казалось, подстерегает повсюду. По всей психике рассеивался ужас, разрушался, как картонный домик, каждый волевой акт, любое намерение терялось, оказываясь во власти паутины этого

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ужаса, и жизнь, казалось, обрела поистине адское обличие.

Хорошо, если могло не разбитым сохраниться чувство злости, помогающее собраться, ведь каждый порыв тревоги сметал ощутимое хоть на мгновение спокойствие, и ночью, пережив преисполненный невероятным страданием день, я засыпал с чувством глубокой умопомрачительной печали, забирая все это тревожное смертное состояние в сон, который едва мне давал сил встретить утро, предвещавшее тяжелейшие испытания предстоящего дня, свет которого мне был совершенно не мил.

Так, день за днем, встречаясь с приезжающими родителями, которых я каждый раз просил обнять меня и поддержать в этих так необходимых мне объятиях, друзьями, навещавшими своего мрачного товарища, и, конечно, с Еленой Александровной, я проводил труднейшее время своей жизни. Необходимо было вырваться из лап этого ужаса и, несмотря на весь черный хаос, творившийся в моей психике, сделать первые шаги на встречу с жизнью, которая не любит прогулов и ждет твоего включения. Но я невероятно этого боялся, выйти за дверь казалось невозможным, и тогда Елена Александровна сказала, что страх находится за дверью и, чтобы преодолеть его, нужно пойти через эту дверь, что я, набравшись мужества, и сделал. Но нужно не только пройти через дверь, но и, конечно, добраться до диспансера, который находится очень далеко от моего дома в другом городе, и выполнение этой задачи в таком состоянии не что иное, как подлинный подвиг, который я и совершил. Приехав в диспансер и выдержав группу, на которой испытал вдобавок жгучий стыд за маниакальное там поведение, я под конец занятий уже робел перед обратной дорогой, но как всегда после группы меня ждали три часа

СТРАНА МУЧИТЕЛЬНЫХ ГРЕЗ

с прекрасным психоаналитиком, которая умело настраивала меня на следующий подвиг, возвратиться домой и смело пережить неделю.

И такого рода отчаянные и тревожные циркуляции моей души по жизни на пути к здоровью придавали мне сил, и я креп, становясь сильнее и устойчивей. Также в это время я ездил навещать Люду, которой помог переехать из одной больницы в другую, и уже периодически, на удивление себе, навещал ее в той больнице другого города, по-прежнему поддерживая, пользуясь приобретенным в это время нелегких испытаний героизмом. Конечно, все это сделать было делом

очень непростым, помню, как еле продвигаясь по улицам и от всего шарахаясь, я с трудом добирался до маршрутки, дальше пристраивался в автобусе и мог на время поездки немного прийти в себя. В Питере страх и чувство опасности были чрезвычайно велики, но главное преодолеть посты беспредельно устрашающих постов милиции, ведь перенести осмотр я совершенно был не в состоянии, но здесь, благодаря собранности, которая делалась мною еще до выхода за дверь, я справлялся с этой задачей и успешно проходил стражей порядка не вселяя подозрения.

Приезжая навестить подружку в больницу, где раньше сам проводил львиную часть своего времени, уже к зимним сумеркам, очень даже хотелось остаться и не возвращаться домой, но уставших путников в этих заведениях не держат, а Люде я нарочито, хотя и с немалой долей юмора, говорил, что сам сейчас именно в таком состоянии, в котором, как правило, всегда ложился в больницу, так что, мол, хоть и оставайся здесь. Но, собравшись с силами, двинулся к трамваю, чувствуя независимость от подобного рода мест, которая придавала мне силы для преодоления смелого похода.